

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03

ОТ “НЕСОСТОЯВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ” К “НЕУСТОЙЧИВЫМ СОСТОЯНИЯМ”: ЛОГИКА ПОНЯТИЙНОЙ ЭКВИЛИБРИСТИКИ

В.И. Бартенев

БАРТЕНЕВ Владимир Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова. Для связи с автором: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru

Бартенев В.И. От “несостоявшихся государств” к “неустойчивым состояниям”: логика понятийной эквилибристики. — Polis. Политические исследования. 2017. № 2. С. 26-41. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.03>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30066).

Статья поступила в редакцию: 15.11.2016. Принята к печати: 25.12.2016

Аннотация. В статье исследуются основные направления эволюции и взаимовлияния политического и научного дискурсов по проблемам государственной состоятельности в странах Запада. С помощью методов наукометрии установлено, что импульс, ритм и траектория, заданные исследованиям в этой области сначала окончанием холодной войны, а затем терактами 11 сентября 2001 г., были существенно скорректированы после принятия первых доктринальных документов по проблемам взаимодействия с “неустойчивыми государствами” (*fragile states*) в 2005 г. Инструментализация последнего концепта вызвала мощную волну критики, которая высветила целый ряд его недостатков — политическую ангажированность, нормативность, государствоцентризм и др., — заставив искать способы их устранения. Основными результатами поиска стали переключение внимания с “неустойчивых государств” на “неустойчивые состояния” (*states of fragility*), разработка многомерной типологии таких состояний и введение в дискурс концепта “устойчивости” (*resilience*) и ряда смежных терминов из теории сложных адаптивных систем. Эти изменения, произошедшие в том числе и под влиянием геополитических факторов, в целом дают шанс преодолеть методологический редукционизм, свойственный концепциям государственной состоятельности “первой волны”, и освободить дискурс от излишнего догматизма. Оперирование категориями “устойчивость”, “стабильность”, “внешние возмущения”, “риски” создает условия для внедрения холистического подхода к концептуализации проблем устойчивости политических систем, который учитывает их взаимодействие с системой международных отношений и средой обитания человека. Вместе с тем велика вероятность и того, что новому концепту будут свойственны некоторые недостатки, характерные для его предшественников, в частности, амбивалентность. Чтобы минимизировать этот риск, требуется разработать новые методы измерения (не-)устойчивости и инструментарий прогнозирования изменений показателей устойчивости общественных систем к вызовам на разных уровнях, с применением которого можно создавать эффективные системы раннего оповещения.

Ключевые слова: государственная состоятельность; несостоявшиеся государства; неустойчивые государства; государственностроительство; неустойчивые состояния; устойчивость к внешним возмущениям; связка “безопасность — развитие”.

Проблемы государственной состоятельности находятся в фокусе внимания политологов уже почти четверть века. Первые дискуссии по ним развернулись сразу после окончания холодной войны, но практически востребованными концепции теоретиков стали уже в XXI в. в контексте парадигмы связки “безопасность – развитие” [Бартенев 2015; Юдин 2016]. Научный и политический дискурс развивались в тесной взаимосвязи друг с другом, обуславливая постоянное обновление понятийного ряда. На смену “несостоявшимся государствам” сначала пришли “неустойчивые государства” (*fragile states*), затем “неустойчивые состояния” (*states of fragility*), а в последние годы все шире используются категория “устойчивость” (*resilience*) и смежные термины из теории сложных адаптивных систем.

Зарубежная наука пытается зафиксировать и осмыслить эти понятийные новации [Grävingholt, Ziaja, Kreibaum 2012; Nay 2013; de Weijer 2013; Pospisil, Kuhn 2016], но в России они преимущественно оказываются вне поля зрения ученых. В отличие от 2000-х годов, отмеченных всплеском интереса к вопросам государственной состоятельности [Мельвиль и др. 2007; Минаев 2007], в текущем десятилетии работы общего характера на страницах ведущих научных журналов стали появляться редко¹, уступив место прикладным страновым и региональным исследованиям [Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012; Мелешкина 2012].

Предлагаемая статья призвана заполнить обозначенную нишу, подкрепив традиционные методы историографического анализа применением техник наукометрии с использованием данных базы *Google Scholar*. Первая часть статьи кратко освещает процесс формирования дискурса о “несостоявшихся” и “неустойчивых” государствах, вторая систематизирует критические аргументы в адрес этих концептов, озвученные в 2000-е годы. В третьей части статьи обобщены основные направления усовершенствования концептуальных установок и обозначены некоторые противоречия и ограничения, заложенные в новых конструктах. Итогом исследования станет попытка раскрыть логику понятийной эквилибристики в дискурсе о государственной состоятельности и оценить перспективы развития и изучения этого дискурса.

27

Теории несостоятельности государства стали разрабатываться политологами после распада биполярного миропорядка, вызвавшего к жизни ряд новых конфликтов, осложненных внешним вмешательством, многие из которых грозили завершиться полным крахом государственности. Именно тогда для обозначения наиболее политически нестабильных развивающихся стран учеными-теоретиками была предложена целая палитра новых терминов: квазигосударство (*quasi-state*) [Jackson 1990]; слабое (*weak*), гибнущее (*failing*), несостоявшееся (*failed*) [Helman, Ratner 1992], потерпевшее крах (*collapsed*) [Zartman 1995] и др.). Параллельно в недрах ряда американских ведомств (ЦРУ, Агентство США по международному развитию) и сотрудничающих с ними аналитических структур вызревало постепенное осознание государственной несостоятельности как угрозы национальной безопасно-

¹ Исключениями могут служить тематический номер журнала “Политическая наука” № 2 за 2011 г., а также отдельные работы И.В. Кудряшовой [Кудряшова 2011], А.А. Токарева [Токарев 2012] и др.

сти, катализатора различных форм вооруженного насилия [Pospisil, Kühn 2016: 5].

Мощнейший стимул к развитию изучаемого дискурса задали теракты 11 сентября 2001 г., сформировавшие долговременный политический заказ на такого рода исследования. По словам сотрудников Института проблем развития и мира К. Бюгера и Ф. Бетке, концепт “несостоявшихся государств” фактически стал *совместным* (курсив мой. — В.Б.) продуктом политического истеблишмента и академического сообщества [Bueger, Bethke 2014].

На запрос “практиков” откликнулось множество известных политологов по обе стороны Атлантики. Важную роль сыграли работы профессора Гарвардского университета Р. Ротберга [Rotberg 2002; 2003]. Делая акцент на дееспособности государства, он определил “состоятельность” как способность государств к производству политических благ, включая – в порядке убывания значимости – безопасность, верховенство закона, участие граждан в политическом процессе, экономическое благосостояние, человеческое развитие. По степени способности к производству этих благ он разделил государства на следующие категории: сильные (*strong*) – демонстрирующие их устойчивое производство; слабые (*weak*) – производящие их неустойчиво и в ограниченном масштабе; гибнущие (*failing*) – испытывающие острый качественный и количественный дефицит благ; несостоявшиеся (*failed*) и рухнувшие (*collapsed*) – практически их лишенные. Наконец, Ротберг предложил учитывать не только способность (*capacity*), но и желание (*willingness*) государственных институтов выполнять базовые функции. Концепция Ротберга была впоследствии дополнена аналитиком Аппарата политического планирования Государственного департамента США при администрации Дж. Буша-мл. С. Патриком [Patrick 2006]. Он сначала выступил в роли одного из “архитекторов” дискурса по “несостоявшимся государствам”, а после ухода с государственной службы стал соруководителем проекта по разработке Индекса слабости государства в развивающемся мире (*Index of State Weakness in a Developing World*) в Институте Брукинга.

Концептуальные взгляды, представленные в трудах Ротберга, Патрика и других авторов, идеально подходили для решения задач объявленной администрацией Дж. Буша-мл. “глобальной войны с терроризмом”. Они предоставляли развернутое обоснование для столь недвусмысленно сформулированного в “Стратегии национальной безопасности США” 2002 г. тезиса: “События 11 сентября 2001 г. научили нас тому, что слабые государства, такие как Афганистан, могут представлять настолько же большую угрозу нашим национальным интересам, как и сильные государства. Нищета не превращает бедных людей в террористов и убийц, однако нищета, слабость государственных институтов и коррупция могут сделать слабые государства уязвимыми для действия террористических сетей и наркокартелей на их территории”².

Вместе с тем сам термин “несостоявшееся государство” мог применяться лишь к очень узкой группе государств, в то время как политические элиты в США, Великобритании и ряде других стран – членов НАТО демонстриро-

² The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (accessed 15.11.2016).

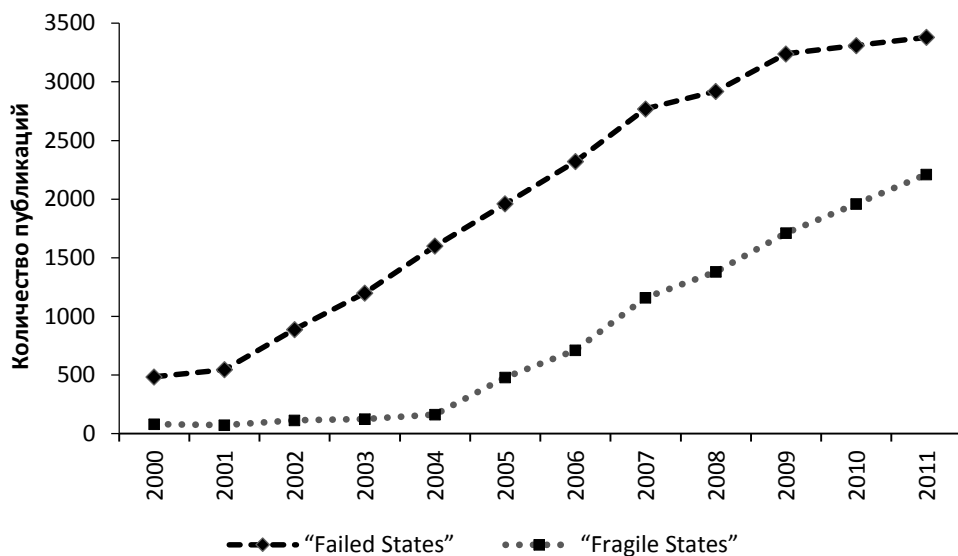
вали готовность к более радикальной перестройке международной системы с применением максимально широкого спектра инструментов воздействия – как военных, так и невоенных.

В итоге уже в 2003 г. Агентство США по международному развитию заказало Центру институциональных реформ и неформального сектора Университета штата Мэриленд разработать стратегию взаимодействия с “неустойчивыми государствами” (*fragile states*) [Center... 2004]. Более инклюзивный³ и менее уничижительный термин “неустойчивое государство”, а также разработанная в рамках данного проекта система оценки “неустойчивости” в четырех сферах (политика, экономика, социальная сфера и безопасность) быстро нашли путь наверх. Новый концепт стал применяться повсеместно, начиная с 2005 г., вытеснив специфические термины, использовавшиеся в донорском сообществе, такие как “страна с низким уровнем дохода в тяжелом положении” (*low-income country under stress – LICUS*), “трудный партнер” (*difficult partner*) и др.

Динамику расширения масштабов применения терминов *failed states* и *fragile states* в англоязычном дискурсе прекрасно иллюстрирует рис. 1⁴.

Рисунок 1 (Figure 1)

Количество индексированных в базе *Google Scholar* научных публикаций 2000-2015 гг.,
использующих термины *failed states* и *fragile states*
Number of Scientific Publications Indexed in the Google Scholar Database (2000-2015)
Using the Terms Failed States and Fragile States



Источник: Рассчитано автором на основе данных базы *Google Scholar*.

Число публикаций, содержащих термин *failed states*, стало расти почти в геометрической прогрессии с 2001 г., но после 2007 г. динамика изменилась:

³ Он объединил в себе сразу несколько типов дисфункциональных государств.

⁴ 2016 г. не включался в расчеты сознательно, поскольку публикации этого года пока не загружены в *Google Scholar* в полном объеме.

рост сначала замедлился, затем остановился (2009-2012), а после 2012 г. показатели и вовсе начали снижаться. Термин *fragile states*, стартовав с худших позиций, быстро стал популярен в научной среде после 2005 г., и, несмотря на мало впечатляющую динамику после 2011 г., вплотную приблизился к показателям своего “прототипа”.

Важно отметить, что в своей концептуализации устойчивости агентства по содействию международному развитию ведущих стран-доноров – США и Великобритании – изначально опирались на институциональный подход в трактовке Ротберга (бинарная матрица “способность” / “готовность” *государственных* (курсив мой. – В.Б.) институтов выполнять базовые функции). Это видение было одобрено и донорским сообществом в целом. В соответствии с решениями специального Форума высокого уровня Комитета по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по эффективности развития в “нестабильных государствах”, прошедшего в Великобритании в январе 2005 г., был разработан проект Принципов эффективной международной политики в отношении “неустойчивых государств”. Кроме того, была запущена отдельная серия отчетов по потокам помощи, оказываемой этой группе стран-реципиентов (*Fragile States Report*). Для этого – в целях разграничения стабильных и “неустойчивых” государств – был составлен сводный список, включавший в себя всех фигурантов соответствующих списков многосторонних банков развития, а также Индекса “несостоявшихся государств” (*Failed States Index*), который начал составлять Фонд мира.

В важнейшем для донорского сообщества программном документе – Парижской декларации 2005 г.⁵ – также прозвучал термин “неустойчивые государства”, без каких-либо дополнительных оговорок. Квинтэссенцией приверженности институциональному подходу к проблемам государственной состоятельности стало включение в окончательный вариант Принципов эффективной международной политики в отношении “неустойчивых государств и ситуаций” 2007 г. следующего определения: “Неустойчивые государства – это государства, которые ‘демонстрируют неспособность и / или нежелание обеспечивать выполнение своих основных функций’, необходимых для искоренения бедности, развития, обеспечения безопасности и защиты прав граждан”⁶. Таким образом, как и модель Ротберга, определение позволяло выделить четыре типа возможных сочетаний: 1) наличие способности и желания, 2) отсутствие способности при наличии желания, 3) отсутствие желания при наличии способности, 4) отсутствие способности и желания, – и распределить все страны по соответствующим кластерам.

* * *

Закрепление в политическом дискурсе термина “неустойчивое государство” вызвало появление целого ряда работ, в которых оно подвергалось жесткой критике по тем или иным основаниям. Указывались шесть ключевых недостатков.

⁵ OECD. *The Paris Declaration on Aid Effectiveness and the Accra Agenda for Action*. P.: OECD Publishing, 2008. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/30/63/43911948.pdf> (accessed: 15.11.2016).

⁶ OECD. *Principles for Good International Engagement in Fragile States & Situations*. P.: OECD Publishing, 2007. URL: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/38368714.pdf> (accessed: 15.11.2016).

1. Политическая ангажированность. Многие авторы [Voas, Jennings 2007; Chandler 2006; Porteous 2007] отмечали, что термин “неустойчивые государства” — не нейтральный аналитический конструкт, он применяется непоследовательно и отражает приоритеты национальной безопасности США и их ближайших союзников по НАТО, а также многосторонних организаций, находящихся под их контролем [Nay 2013]. Т. Портеюс, к примеру, констатировал формирование своеобразного “военно-девелопменталистского комплекса” (по аналогии с военно-промышленным комплексом. — *В.Б.*), который продвигает проект комплексной трансформации “несостоявшихся государств” [Porteous 2007]. В целом, по мнению приверженцев указанной точки зрения, западные аналитики избирательно навешивают ярлык “неустойчивое государство” на те страны, вмешательство во внутренние дела которых требуется оправдать.

2. Амбивалентность. Многие исследователи отказывали концепту “устойчивое государство” в аналитической состоятельности. Дж. Патцел, в частности, подчеркивал, что “консенсусное определение” ОЭСР “не позволяет разграничить специфические условия “неустойчивости” и более общие условия “отставания в развитии” [Putzel 2010]. В научной литературе получила широкое распространение точка зрения о том, что “неустойчивые государства” — это не более чем “всеобъемлющая формула” [Andersen 2008; Putzel 2010], “концепт с трудноуловимым значением” [Carment, Prest, Samy 2010]. Отсутствие должной его теоретической проработки объясняется, в одной из версий, незаинтересованностью большинства ученых в рассмотрении концепта в качестве самостоятельного объекта исследования [Bueger, Bethke 2014], в другой — чересчур тесными связями между учеными и практиками [Carment, Prest, Samy 2010: 4–5; Lemay-Hébert, Mathieu 2014].

3. Нормативность. Ученые критиковали концепт “устойчивых государств” за то, что он основан на абсолютизации “вебериянского” типа государства с его специфическими характеристиками (монополия на использование насилия, легитимность власти, рационально действующая бюрократия). Такое состояние государства рассматривалось как идеальное, к которому в конечном счете должны прийти все страны [Anderssen 2008]. При этом перенос западных стандартов на иную культурно-цивилизационную почву мыслился не только как возможный, но и как необходимый — в первую очередь, в целях минимизации угроз безопасности со стороны “неустойчивых государств”. Между тем, многие исследователи [Bilgin, Morton 2004; Brooks 2005; Voas, Jennings 2007; Nagmann, Noehne 2009] подчеркивали, что вебериянский тип государства сложился в определенных исторических условиях и его “трансплантация” в страны “глобального Юга” противоречит логике их развития.

4. Государствоцентризм. В целом ряде исследований можно встретить тезис о том, что государственные властные институты — лишь часть более широкой сети механизмов управления, и их укрепление не способно решить все проблемы развивающихся стран. Приверженцы такой точки зрения не устают повторять, что дискурс о “неустойчивых государствах” игнорирует такие явления, как неопатримониализм, клиентелизм, “гибридный политический порядок”, и доказывают возможность сосуществования в незападных обществах современных и традиционных общественных институтов [Brooks 2005; Porteous 2007; Batley, McLoughlin 2010].

5. Слабость доказательной базы. В зарубежной литературе встречаются и примеры обвинения концепции “неустойчивых государств” в декларативности. Так, тот же Патрик в 2011 г. подверг сомнению “связку” между неустойчивостью государства и угрозами безопасности, на которой строилась вся внешнеполитическая стратегия администрации Дж. Буша-мл. Опровергая собственные тезисы пятилетней давности, он обращал внимание на то, что джихадизм, равно как и торговля людьми, отмывание денег, транзит наркотиков, процветают не только в бедных и слабых, но и в дееспособных государствах [Patrick 2011].

6. Признаки “самосбывающегося пророчества”. Многие ученые и политические деятели развивающихся стран также указывали на то, что навешивание ярлыка “неустойчивые государства” становится своего рода “самосбывающимся пророчеством”. С одной стороны, подобная стигматизация “отводит” столь нужные инвестиционные потоки от бедных государств, сужая их возможности к переходу на траекторию устойчивого развития и еще более увеличивая зависимость от внешней помощи. С другой стороны, вмешиваясь во внутренние дела развивающихся стран под лозунгом борьбы с “неустойчивостью” и государственностроительства, международные доноры нередко замещают государство, подрывают легитимность его властных институтов и наносят ущерб государственному суверенитету.

* * *

Неоднозначность концепта “неустойчивые государства” заставила многих исследователей сделать один из двух выводов: 1) концепт должен быть отринут как аналитически несостоятельный [Boas, Jennings 2007; Preble, Logan 2006; Porteous 2007]; 2) понятие должно быть уточнено, а методология оценки “неустойчивости” – существенно усовершенствована.

В рамках второго подхода можно выделить три основных направления интеллектуального поиска, нацеленного на устранение указанных недостатков:

1) Переключение внимания с проблем *государственной* несостоятельности и “неустойчивых *государств*” (*fragile states*) на “неустойчивые *состояния*” (*states of fragility*).

2) Разработка многомерной типологии “неустойчивых состояний”.

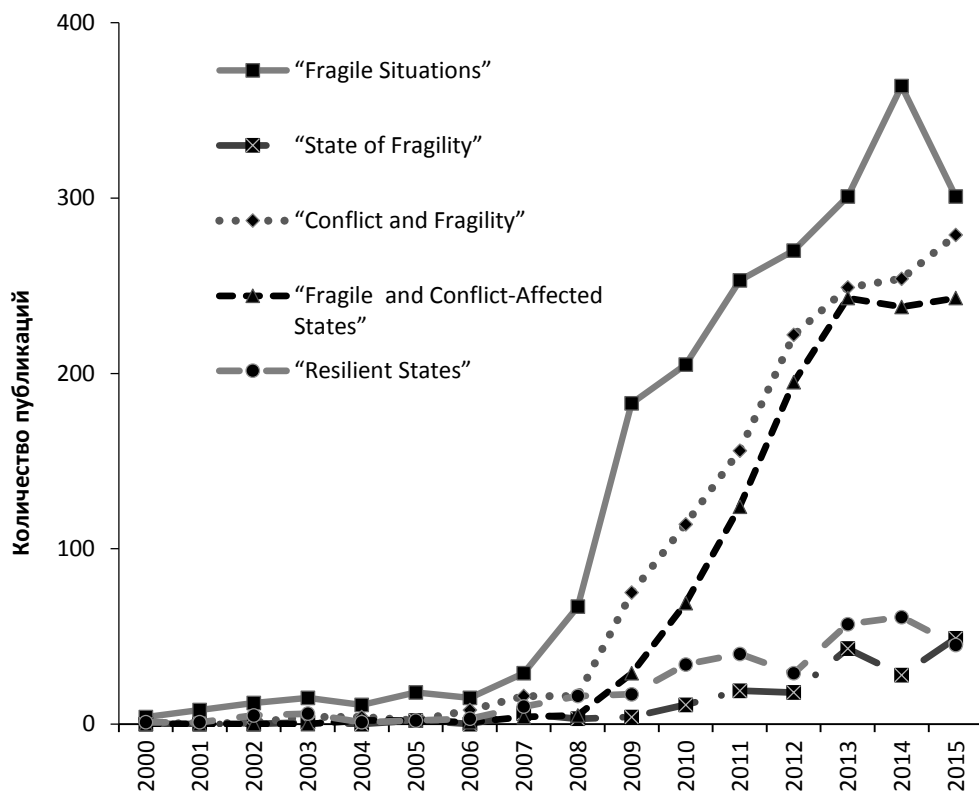
3) Введение в дискурс концепта “устойчивость” (*resilience*).

Указанные изменения достаточно легко отслеживаются и посредством анализа публикационной активности по проблемам государственной состоятельности. На рис. 2 представлены данные по выходящим в свет в 2000–2015 гг. публикациям, содержащим следующие понятия: *fragile situations* и синонимичное ему словосочетание *states of fragility*, связка *fragility and conflict*, а также термины *fragile and conflict-affected states* и *resilient states*.

График иллюстрирует резкое увеличение числа публикаций, содержащих указанные термины, после 2007–2008 гг., т.е. после получения мощного критического отклика от академического сообщества. Не менее показательно и достижение публикациями определенного “потолка” в 2014–2015 гг., что может указывать на необходимость внедрения концептуальных инноваций.

Рисунок 2 (Figure 2)

Количество индексируемых в базе *Google Scholar* научных публикаций 2000-2015 гг., использующих словосочетания *fragile situations, state of fragility, conflict and fragility, fragile and conflict-affected states, resilient states*
 Number of Scientific Publications Indexed in the *Google Scholar* Database (2000-2015)
 Using the Terms *Fragile Situations, State of Fragility, Conflict and Fragility, Fragile and Conflict-Affected States, Resilient States*



Источник: рассчитано автором на основе данных базы *Google Scholar*.

Рассмотрим сущность каждого из произошедших изменений отдельно.

1) *Переключение внимания с “неустойчивых государств” на “неустойчивые состояния”*. В целях преодоления таких недостатков термина “неустойчивые государства”, как политическая ангажированность и государствоцентризм, многие ученые довольно давно начали отстаивать идею деэтизации дискурса. Это позволило бы, с одной стороны, уйти от стигматизации узкой группы государств, с другой – подчеркнуть, что проблемы развивающихся стран не могут объясняться дисфункциональностью лишь государственных институтов. Удачным решением стало нахождение – благодаря словесной эквилибристике – термина “неустойчивое состояние” (*state of fragility*), в котором используется то же слово *state*, но в его втором, аполитичном значении – “состояние”.

Речь идет о восприятии неустойчивости как *временного* состояния, в котором может оказаться любое государство и характеристики которого зависят

от контекста. Это позволило существенно расширить географические рамки дискурса, который в какой-то момент грозил сузиться до обсуждения положения ограниченного числа стран с низким уровнем дохода, преимущественно расположенных в Африке южнее Сахары [de Weijer 2013]. Изменение оказалось особенно востребованным в контексте формирования новой глобальной программы развития на перспективу до 2030 г., которая предполагает мониторинг ее выполнения во всех странах мира.

Параллельно в рамках дискурса о неустойчивости обозначилась тенденция к обсуждению проблем, не связанных напрямую с государством — таких как городское насилие, связь между преступностью и развитием, вооруженный экстремизм и др. [Independent Commission... 2015]. Особенно широко распространился концепт “неустойчивых городов” (*fragile cities*) [Muggah 2014].

2) *Разработка многомерной типологии “неустойчивых состояний”*. Впервые данное решение было обозначено в докладе Комиссии по слабым государствам и национальной безопасности США 2004 г.⁷, после чего неоднократно уточнялось рядом американских и европейских ученых [Stewart, Brown 2009; Ghani, Lockhart 2008; Patrick 2006; Carment, Prest, Samy 2010; Call 2011]. Суть его заключается в повышении аналитической состоятельности конструкта “неустойчивые государства” посредством перехода от некой “всеобъемлющей формулы” к вычленению отдельных сфер деятельности государства и оценке состояния дел в каждой из них, без осуществления “свертки” показателей. Так, к примеру, Ф. Стюарт и Г. Браун предложили оценивать три отдельных метапараметра: контроль (*authority*), предоставление услуг (*service delivery*) и легитимность (*legitimacy*) [Stewart, Brown 2009]; Д. Кармент и его соавторы — триаду “контроль, дееспособность (*capacity*) и легитимность” [Carment, Prest, Samy 2010].

Пожалуй, наибольшую известность приобрела концепция Ч. Колла. Он предложил триаду “безопасность, контроль и легитимность”, исходя из того, что безопасность принципиально отличается от любых других общественных благ, поскольку ее обеспечение подразумевает способность государства защитить свою власть от посягательств других акторов. По мнению Колла, в каждой из указанных сфер государство может начать испытывать определенный дефицит (*gap*), и характер его “неустойчивости”, в конечном счете, зависит от общего числа и сочетания этих дефицитов. В общей сложности Колл выделяет семь возможных “неустойчивых состояний”, каждое из которых характеризуется уникальной комбинацией дефицитов (полное их отсутствие априорно исключается из числа “неустойчивых состояний”) и требует специфического набора политических рекомендаций [Call 2011].

Подход Колла был усовершенствован старшим научным сотрудником Германского института развития Й. Гравингхольтом при участии С. Зиаха и М. Крейбаум [Grävingsholt, Ziaja, Kreibaum 2012]. По их мнению, главный недостаток теории Ч. Колла состоит в том, что он пользуется бинарной матрицей (0 или 1) при оценке неустойчивости в каждой из сфер, ставя результат в зависимость от некоего произвольным образом выбираемого порога. Пытаясь преодолеть методологические ограничения его подхода, указанные авторы решили использовать триаду Кармента и его коллег (контроль, дееспособность, легитимность) для построения *трехмерной* матрицы “неустойчивости” государств с соответствующими измеряемыми индикаторами.

⁷ Commission on Weak States and National Security. 2004. *On the Brink: Weak States and US National Security*. [Washington, D.C.]: Center for Global Development.

Интерес к многомерным типологиям “неустойчивости” сегодня проявляют отнюдь не только теоретики. Почти все крупные международные организации взяли курс на создание новой методологии оценки ситуации в развивающихся странах в рамках мониторинга достижений Целей устойчивого развития, и наработки Колла, Гравингхольта и других исследователей в данной области весьма востребованы.

3) *Введение в дискурс концепта “устойчивость” (resilience)*. Концепт “устойчивость” начал использоваться в 1960-1970-е годы в экологических исследованиях [Holling, 1973]. В 2000-е годы он широко распространился в общественных науках как характеристика “способности системы справляться с нарушениями, реорганизовываться в процессе изменения и сохранять в целом ту же функциональность, структуру, идентичность и механизм обратных связей” [Walker et al. 2004].

В дискурсе о проблемах государственной состоятельности термин “устойчивость”, по мнению Я. Посписила и Ф. Кюна [Pospisil, Kühn 2016: 6], появился в 2003 г. в упомянутом докладе Центра институциональных реформ и неформального сектора Университета штата Мэриленд [Center... 2004]. Однако в текст самой стратегии термин не вошел и появился в дискурсе вновь, когда возникла потребность в смягчении обвинений стран-доноров в “наवेशивании ярлыка”, способного стать “самосбывающимся пророчеством”.

Дело в том, что некоторые развивающиеся страны уже в середине 2000-х годов выражали нежелание использовать термин “неустойчивые государства”, имевший ярко выраженные негативные коннотации, и высказывались в пользу движения к некому позитивному состоянию устойчивости [de Weijer 2013]. Неслучайно уже в 2007 г. ОЭСР определила в качестве центральной задачи политики доноров “оказание содействия национальным реформаторам в деле строительства эффективных, легитимных и *устойчивых* государственных институтов, способных конструктивно взаимодействовать с населением в целях обеспечения устойчивого развития”⁸.

Спустя год “неустойчивость” определялась ОЭСР уже “от противного” — как антоним “устойчивости”⁹. Последняя, в свою очередь, концептуализировалась как способность справляться с изменениями в дееспособности, эффективности и легитимности, не нарушая общественного договора, и при этом противопоставлялась “стабильности” (*stability*)¹⁰, уже достаточно прочно ассоциировавшейся с операциями по стабилизации обстановки в Афганистане и Ираке. В 2011 г. “устойчивость” была охарактеризована “клубом доноров”, по аналогии с “неустойчивостью”, в качестве временного, изменяемого состояния¹¹.

К настоящему моменту концепт “устойчивости” в политологии успел стать объектом серьезной критики, содержание которой заслуживает отдельного внимания.

1. По мнению некоторых ученых, и в частности автора концепции “черного лебедя” Н.Н. Талеба, концепт “устойчивости” не выполняет своей функции

⁸ OECD. *Principles for Good International Engagement in Fragile States & Situations*. P.: OECD Publishing, 2007. URL: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/38368714.pdf> (accessed: 15.11.2016). P. 1

⁹ OECD. 2008. *Concepts and Dilemmas of State Building in Fragile Situations: From Fragility to Resilience*. OECD Discussion Paper. Paris: OECD. P. 17-18.

¹⁰ Ibid.: 12.

¹¹ OECD. *Supporting Statebuilding in Situations of Conflict and Fragility. DAC Guidelines and Reference Series*. P.: OECD Publishing, 2011. URL: <http://browse.oecdbookshop.org/oecd/pdfs/free/4311031e.pdf> P. 22 (accessed: 15.11.2016)

альтернативы “неустойчивости” и не нацеливает государства на позитивные изменения, поскольку в первую очередь оценивает сопротивляемость внешним возмущениям, а не способность к усовершенствованию в процессе реагирования на них. Исходя из этого, Талеб вводит и обосновывает собственный термин *antifragile* (русскоязычный аналог – “антинеустойчивое”) [Taleb 2012].

2. Обеспечение устойчивости пополняет число требований, которые международные доноры предъявляют к и без того слабым государствам, по словам Ф. де Вайер, “поднимая тем самым для них планку на почти недостижимую высоту и выставляя их еще в более невыгодном свете” [de Weijer 2013: 15].

3. Концепция устойчивости пока слишком сильно акцентирует роль государственных институтов. Между тем, как пишет Ф. де Вайер, “государство может в конечном счете не укрепить устойчивость, а подорвать ее” [ibidem].

4. Устойчивость выступает в виде агрегированного показателя, который не позволяет понять, о чьей устойчивости идет речь и перед лицом каких вызовов [Independent Commission... 2015: 13], и оказывается из-за этого “туманным, противоречивым и спорным” [Pospisil, Kühn 2016: 2] понятием.

5. “Амбивалентность” концепта “прикрывает” неспособность мирового сообщества определиться с тем, как должна строиться политика в странах “глобального Юга”, позволяет оправдать принятие мер, которые отражают институциональные интересы соответствующих агентств, (гео-)стратегические интересы государств, осуществляющих вмешательство, и отдельных индивидов и групп влияния в странах – получателях помощи [ibid.: 8-9].

Ученые почти единодушны в том, что аналитическая состоятельность концепции устойчивости оставляет желать лучшего и необходимы дополнительные усилия по ее укреплению.

Представленный в статье краткий анализ эволюции зарубежного дискурса по проблемам государственной состоятельности позволяет сделать несколько выводов.

На первый взгляд, в дискурсе наблюдается осязаемый прогресс. Это касается преодоления редуccionизма, характерного для трудов апологетов концепции государственной состоятельности “первой волны” и обусловливавшего такие очевидные ее недостатки, как государствоцентризм, амбивалентность, детерминизм и т.д. Догматизм первых трактовок объясняется, главным образом, характером политического запроса на обозначение новых угроз безопасности, который возник после терактов 11 сентября 2001 г. и на который ученые (в первую очередь, в силу идеологических убеждений) не могли не откликнуться.

По мере абсорбции концепции донорским сообществом она постепенно подвергалась процессу деидеологизации, что открывало возможность взглянуть на проблему несостоятельности государств более объективно. Этому способствовало три фактора. Во-первых, переход концепции в плоскость практического применения повлек за собой получение гигантского массива новых данных, которые не могли не поколебать жесткие нормативные установки, изначально казавшиеся незыблемыми. Во-вторых, неудачи “витринных” проектов государственностроительства в Афганистане и Ираке остудили пыл тех, кто отстаивал идею трансплантации в страны “глобального Юга” государственных структур “веберианского” типа. В-третьих, значимые изменения прои-

зошли в мирополитической системе. Стал все более слышен голос как самих “неустойчивых государств”, так и голос так наз. *нетрадиционных доноров*, в первую очередь стран БРИКС, а также Турции, Индонезии, стран Персидского залива [ibid.: 7]. Последние зачастую демонстрировали откровенное неприятие разработанных странами Запада (или под их эгидой) концептуально-теоретических построений и формулировали достаточно привлекательные альтернативы, построенные на нон-интервенционистских принципах.

Исследуемая дискуссия оставляет в целом позитивное впечатление потому, что в ней начинают использоваться более политически нейтральные понятия — устойчивость, стабильность, внешние возмущения, которые доказали свою состоятельность при анализе сложных адаптивных систем в других научных областях. Представляется, что их использование применительно к политическим системам, особенно с учетом взаимодействия последних с системой международных отношений и средой обитания человека, обеспечит более методологически корректный холистический подход, соответствующий императивам устойчивого развития в самом широком смысле этого слова.

Сказанное, однако, не означает, что концепции (не-)устойчивости уготовано безоблачное будущее. Приведенные аргументы против концепта “устойчивости” говорят о том, что, обретая реальное политическое значение (а в перспективе — и финансово-экономическое обеспечение, если средства государствам будут выделяться в зависимости от их готовности обеспечить эту самую устойчивость), он может обрести точно такими же ограничениями, что и его зеркальное отражение — концепт “неустойчивости”. Тогда дискуссия имеет все шансы зайти в тупик, и задача ученых состоит в том, чтобы этого не допустить.

В значительной степени успех усилий академического сообщества будет зависеть от способности существенно повысить качество измерения “стрессоустойчивости” государств, и неслучайно почти все крупные международные организации в настоящий момент заняты разработкой новой методологии оценки ситуации в развивающихся странах. Не менее важная задача — создать инструментарий прогнозирования изменений показателей устойчивости различных общественных систем в целях отладки механизмов раннего оповещения о возникающих рисках. Российские специалисты — как гражданские, так и военные — могут внести значимый вклад в решение этой сложной задачи.

Бартенев В.И. 2015. Связка “безопасность — развитие” в современных западных исследованиях. От деконструкции к контекстуализации. — *Международные процессы*. Т. 13. № 3. С. 78-97. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.42.5>

Кудряшова И.В. 2011. Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств. — *Сравнительная политика*. № 3. С. 20-36. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-3\(5\)-20-36](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-20-36)

Мелешкина Е.Ю. 2012. Государственная состоятельность постсоветских территориальных политий. — *Сравнительная политика*. Т. 3. № 1. С. 118-133. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-1\(7\)-118-132](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-1(7)-118-132)

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-30. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4532> (проверено 12.01.2017).

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. 2007. *Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. М.: МГИМО-Университет. 268 с.

Токарев А.А. 2012. Концептуализация и операционализация понятия государственность. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 4. С. 247-254.

Юдин Н.В. 2016. Связка “безопасность — развитие”: проблемы теоретического осмысления. — *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. № 1. С. 39-71.

Andersen L. 2008. Fragile States on the International Agenda. — L.Engberg-Pedersen et al. *Fragile Situations: Background Papers*. DIIS Report 11. Copenhagen: DIIS. P. 7-19.

Batley R., McLoughlin C. 2010. Engagement with Non-State Service Providers in Fragile States: Reconciling State-Building and Service Delivery. — *Development Policy Review*. Vol. 28. № 2. P. 131-154. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7679.2010.00478.x>

Bilgin P., Morton A.D. 2004. From ‘Rogue’ to ‘Failed’ States? The Fallacy of Short-termism. — *Politics*. Vol. 24. № 3. P. 169-180. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9256.2004.00217.x>

Boås M., Jennings K. 2007. Failed States and State Failure: Threats or Opportunities? — *Globalizations*. Vol. 4. № 4. P. 475-485. DOI: <https://doi.org/10.1080/14747730701695729>

Brooks R. 2005. Failed States, or the State as Failure? — *The University of Chicago Law Review*. 2005. Vol. 72. № 4. P. 1159-1196.

Bueger Ch., Bethke F. 2014. Actor-networking the ‘Failed State’ — An Enquiry into the Life of Concepts. — *Journal of International Relations and Development*. № 17. P. 30-60. DOI: <https://doi.org/10.1057/jird.2012.30>

Call C.T. 2011. Beyond the Failed State: Toward Conceptual Alternatives. — *European Journal of International Relations*. Vol. 17. № 2. P. 303-326. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066109353137>

Carment D., Press S., Samy Y. 2010. *Security, Development, and the Fragile State: Bridging the Gap between Theory and Policy*. L., N.Y.: Routledge. 304 p.

Center for Institutional Reform and the Informal Sector at the University of Maryland. 2004. PPC IDEAS Annual Report: 1 October 2003-30 September 2004. College Park: University of Maryland. 93 p.

Chandler D. 2006. *Empire in Denial: The Politics of State-Building*. L.: Pluto Press. 240 p.

Ghani A., Lockhart C. 2008. *Fixing Failed States: A Framework for Rebuilding a Fractured World!* Oxford: Oxford University Press. 272 p.

Grävingholt, J., Ziaja S., Kreibaum M. 2012. *State Fragility: Towards a Multidimensional Empirical Typology*. Bonn: German Development Institute. 49 p. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_3.2012.pdf (accessed 12.01.2017).

Hagmann T., Hoehne M.V. 2009. Failures of the State Failure Debate: Evidence from the Somali Territories. — *Journal of International Development*. Vol. 21. № 1. P. 42-57. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.1482>

Helman G.B., Ratner S.R. 1992. *Saving Failed States*. — *Foreign Policy*. Vol. 89. № 3. P. 3-20.

Holling C.S. 1973. Resilience and Stability of Ecological Systems. — *Annual Review of Ecological Systems*. 1973. № 4. P. 1-23. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.110173.000245>

Independent Commission on Multilateralism. Fragile States and Fragile Cities. Discussion Paper. December 2015. URL: https://www.icm2016.org/IMG/pdf/discussion_paper-fragile_states_and_cities_final.pdf (accessed 12.01.2017).

Jackson R.H. 1990. *Quasi-states: Sovereignty, International Relations, and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.

Muggah R. 2014. Deconstructing the Fragile City: Exploring Insecurity, Violence and Resilience. — *Environment and Urbanization*. Vol. 26. № 2. P. 345-358. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956247814533627>

Nay O. 2013. Fragile and Failed states: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids. — *International Political Science Review*. Vol. 34. № 3. P. 326-341. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512113480054>

Patrick S. 2006. *Weak States and Global Threats: Fact or Fiction?* Washington Quarterly. Vol. 29. № 2. P. 27-53.

Patrick S. 2011. *Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security*. Oxford: Oxford University Press. 342 p.

Porteous T. 2007. Etats fragiles ou faillis: une notion à dépasser. — *Etats et sociétés fragiles: entre conflit, reconstruction et développement*. Ed. by Chataigner J-M., Magro H. Paris: Karthala. P.493-508.

Pospisil J., Kühn F.P. 2016. The Resilient State: New Regulatory Modes in International Approaches to State-Building. — *Third World Quarterly*. Vol. 37. № 1. P. 1-16. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/01436597.2015.1086637>

Preble C., Logan J. 2006. *Failed State and Flawed Logic: the Case against a Standing Nation-Building Office*. Policy Analysis 560. Washington DC: CATO Institute. URL: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/failed-states-flawed-logic-case-against-standing-nationbuilding-office> (accessed 12.01.2017).

Putzel J. 2010. *Why Development Actors Need a Better Definition of 'State Fragility'*. Policy Directions, London School of Economics and Political Science, Crisis States Research Centre. 4 p.

Rotberg R.I. 2002. The New Nature of Nation-State Failure. — *Washington Quarterly*. Vol. 25. № 3. P. 85-96.

Rotberg R.I. 2003. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. — *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Ed. by Rotberg R. Cambridge, Mass.: World Peace Foundation. P. 1-25

Stewart F., Brown G. 2009. *Fragile States*. CRISE Working Paper 51. Oxford: University of Oxford. 112 p.

Taleb N.N. 2012. *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. New York: Random House. 519 p.

Walker B. et al. 2004. Resilience, Adaptability and Transformability in Social-Ecological Systems. — *Ecology and Society*. Vol.9. № 2.

de Weijer F. 2013. *Resilience: A Trojan Horse for a New Way of Thinking?* European Centre for Development Policy Management. Discussion Paper № 139. January. 17 p. URL: <http://ecdpm.org/wp-content/uploads/2013/10/DP-139-Resilience-Trojan-Horse-New-Way-of-Thinking-2013.pdf> (accessed 12.01.2017)

Zartman W. 1995. *Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. Boulder: L. Rienner Publishers. 303 p.

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03

FROM 'FAILED STATES' TO 'STATES OF FRAGILITY': LOGIC OF CONCEPTUAL ACROBATICS

V.I. Bartenev¹

¹Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

BARTENEV Vladimir Igorevich, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of International Organizations and World Political Processes, Director of Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. Email: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru

Bartenev V.I. From 'Failed States' to 'States of Fragility' Logic of Conceptual Acrobatics. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 2. P. 26-41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03

This research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation (project No. 15-18-30066).

Received: 15.11.2016. Accepted: 25.12.2016

Abstract. This paper tracks the evolution and interactions of Western policy and academic discourses on statehood. With help of scientometrics it demonstrates that dynamics and trajectory of conceptualization of these terms were first framed by the end of the Cold War and later by the terrorist attacks of 9/11. However, the adoption of the first doctrinal documents on international engagement in fragile states in 2005 substantially altered the discourse. Instrumentalization of the ‘fragile state’ concept made it subject to a rigorous critique that revealed several drawbacks – political bias, normativity, state-centrism etc. Seeking to mitigate these limitations, scholars, experts and policymakers switched attention from ‘fragile states’ to ‘states of fragility’, elaborated multi-dimensional typology of fragility and borrowed the ‘resilience’ concept and a number of related terms from the theory of complex adaptive systems. These changes – influenced partly by geopolitical shifts – might help abandon outdated reductionist interpretations of state failure and de-dogmatize the discourse. Use of such concepts as ‘resilience’, ‘stability’, ‘external disruptions’, ‘risks’ favors a holistic approach to political systems which will take into account their complex interactions with the international system and the environment. However, it seems highly probable that the new concept might suffer from the same drawbacks, such as ambivalence. To avoid this risk, scholars will have to develop new techniques of measuring resilience of social systems to various kinds of disruptions, which, in turn, might help build efficient systems of early warning.

Keywords: statehood; failed states; fragile states; state-building; states of fragility; resilience; security-development nexus.

References

- Andersen L. Fragile States on the International Agenda. – Engberg-Pedersen L. et al. *Fragile Situations: Background Papers*. DIIS Report 11. Copenhagen: DIIS. 2008. P. 7-19.
- Bartenev V.I. “Security – Development Nexus” in Western Bibliography from Deconstruction to Contextualization. – *International Trends*. 2015. Vol. 13. No. 3. P. 78-97. (In Russ.) DOI: <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.42.5>
- Batley R., McLoughlin C. Engagement with Non-State Service Providers in Fragile States: Reconciling State-Building and Service Delivery. – *Development Policy Review*. 2010. Vol. 28. No. 2. P. 131-154. DOI: <https://dx.doi.org/10.1111/j.1467-7679.2010.00478.x>
- Bilgin P., Morton A. D. From ‘Rogue’ to ‘Failed’ States? The Fallacy of Short-termism. – *Politics*. 2004. Vol. 24. No. 3. P. 169-180. DOI: <https://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9256.2004.00217.x>
- Bøås M., Jennings K. Failed States and State Failure: Threats or Opportunities? – *Globalizations*. 2007. Vol. 4. No. 4. P. 475-485. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/14747730701695729>
- Brooks R. Failed States, or the State as Failure? – *The University of Chicago Law Review*. 2005. Vol. 72. No. 4. P. 1159-1196.
- Bueger Ch., Bethke F. Actor-networking the ‘Failed State’ – An Enquiry into the Life of Concepts. – *Journal of International Relations and Development*. 2014. No. 17. P. 30–60. DOI: <https://dx.doi.org/10.1057/jird.2012.30>
- Call C.T. Beyond the Failed State: Toward Conceptual Alternatives. – *European Journal of International Relations*. 2011. Vol. 17. No. 2. P. 303-326. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/1354066109353137>
- Carment D., Press S., Samy Y. *Security, Development, and the Fragile State: Bridging the Gap between Theory and Policy*. London & New York: Routledge. 2010. 304 p.
- Center for Institutional Reform and the Informal Sector at the University of Maryland. PPC IDEAS Annual Report: 1 October 2003-30 September 2004*. College Park: University of Maryland. 93 p. 2004.
- Chandler D. *Empire in Denial: The Politics of State-Building*. London: Pluto Press. 2006. 240 p. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/0192512113480054>
- Ghani A., Lockhart C. *Fixing Failed States: A Framework for Rebuilding a Fractured World!* Oxford: Oxford University Press. 2008. 272 p.
- Grävingsholt, J., Ziaja S., Kreibaum M. *State Fragility: Towards a Multidimensional Empirical Typology*. Bonn: German Development Institute. 2012. 49 p. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_3.2012.pdf (accessed 12.01.2017).
- Hagmann T., Hoehne M.V. Failures of the State Failure Debate: Evidence from the Somali Territories. – *Journal of International Development*. 2009. Vol. 21. No. 1. P. 42-57. DOI: <https://dx.doi.org/10.1002/jid.1482>
- Helman G.B., Ratner S.R. *Saving Failed States*. – *Foreign Policy*. 1992. Vol. 89. No. 3. P. 3-20.
- Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems. – *Annual Review of Ecological Systems*. 1973. No. 4. P. 1-23. DOI: <https://dx.doi.org/10.1146/annurev.es.04.110173.000245>
- Independent Commission on Multilateralism. Fragile States and Fragile Cities. Discussion Paper*. December 2015. URL: https://www.icm2016.org/IMG/pdf/discussion_paper-fragile_states_and_cities_final.pdf (accessed 12.01.2017).

Jackson R.H. *Quasi-states: Sovereignty, International Relations, and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 225 p.

Kudryashova I.V. State Solvency as the Criterion Legitimation New States. — *Comparative Politics Russia*. 2011. No. 3. P. 20-36. (In Russ.) DOI: [https://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-3\(5\)-20-36](https://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-20-36)

Meleshkina E.Y. Stateness of Post-Soviet Territorial Polities. — *Comparative Politics Russia*. 2012. Vol. 3. No. 1. P. 118-133. (In Russ.) DOI: [https://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-1\(7\)-118-132](https://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-1(7)-118-132)

Melville A.Yu., Il'in M.V., Meleshkina E.Ju. *Politicheskij atlas sovremennosti. Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv* [Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States]. Moscow: MGIMO – University Press. 2007. 268 p. (In Russ.)

Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. Trajectories of Regime Transformations and Types of State Consistency. — *Polis. Political Studies*. 2012. No. 2. P. 8-30. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/article/4532> (accessed 12.01.2017).

Muggah R. Deconstructing the Fragile City: Exploring Insecurity, Violence and Resilience. — *Environment and Urbanization*. 2014. Vol. 26. No. 2. P. 345-358. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/0956247814533627>

Nay O. Fragile and Failed States: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids. — *International Political Science Review*. 2013. Vol. 34. No. 3. P. 326-341.

Patrick S. *Weak States and Global Threats: Fact or Fiction? Washington Quarterly*. 2006. Vol. 29. No. 2. P. 27-53.

Patrick S. *Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security*. 2011. Oxford: Oxford University Press. 342 p.

Porteous T. Etats fragiles ou faillis: une notion à dépasser. — *Etats et sociétés fragiles: entre conflit, reconstruction et développement*. Ed. by Chataigner J-M., Magro H. Paris: Karthala. 2007. P. 493-508.

Pospisil J., Kühn F.P. The Resilient State: New Regulatory Modes in International Approaches to State-Building. — *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. No. 1. P. 1-16. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/01436597.2015.1086637>

Preble C., Logan J. *Failed State and Flawed Logic: the Case against a Standing Nation-Building Office*. Policy Analysis 560 Washington DC: CATO Institute. URL: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/failed-states-flawed-logic-case-against-standing-nationbuilding-office> (accessed 12.01.2017).

Putzel J. *Why Development Actors Need a Better Definition of 'State Fragility'*. Policy Directions, London School of Economics and Political Science, Crisis States Research Centre. 2010. 4 p.

Rotberg R.I. The New Nature of Nation-State Failure. — *Washington Quarterly*. 2002. Vol. 25. No. 3. P. 85-96.

Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. — *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Ed. by Rotberg R. Cambridge, Mass.: World Peace Foundation. 2003. P. 1-25.

Stewart F., Brown G. *Fragile States*. CRISE Working Paper 51. Oxford: University of Oxford. 2009. 112 p.

Taleb N.N. *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. New York: Random House. 2012. 519 p.

Tokarev A.A. Conceptualization and Operationalization of 'Stateness' Concept. — *Vestnik MGIMO-University*. 2012. No. 4. P. 247-254. (In Russ.)

Walker B. et al. Resilience, Adaptability and Transformability in Social-Ecological Systems. — *Ecology and Society*. 2004. Vol. 9. No. 2.

de Weijer F. *Resilience: a Trojan Horse for a New Way of Thinking? European Centre for Development Policy Management. Discussion Paper № 139. January 2013. 17 p.* URL: <http://ecdpm.org/wp-content/uploads/2013/10/DP-139-Resilience-Trojan-Horse-New-Way-of-Thinking-2013.pdf> (accessed 12.01.2017).

Yudin N.V. "Security – Development Nexus": Theoretical Understanding of the Problem. — *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2016. No. 1. P. 39-71. (In Russ.)

Zartman W. *Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. Boulder: L. Rienner Publishers. 1995. 303 p.